

Валдайские
записки

#24 | Июль 2015

Геополитическая экономика -
предмет для изучения
многополярного мира

Радика Десаи

Подъем Китая и других стран с быстрорастущей экономикой привел к появлению новых центров силы за пределами западных стран и Японии. В этом контексте идея, согласно которой мир становится многополярным - если уже не стал таковым - представляется бесспорной. Но, тем не менее, две научные дисциплины, исследующие международные проблемы – «теория и практика международных отношений (МО)», исключительным предметом которой является политика, и «международная политэкономия (МПЭ)», появившаяся в 70-х годах прошлого века для анализа экономического развития, - не смогли предсказать становления многополярности и объяснить это явление. Столкнувшись с ним лицом к лицу после кризиса 2008 года, когда Запад погрузился в болото стагнации, а страны с быстрорастущей экономикой продолжали развиваться, ускоряя тем самым приближение эры многополярности, сторонники этих направлений встретили это явление скорее неприязненно, нежели беспристрастно или с интересом. Вопреки нарастающему валу критики, они настаивали на реальности и/или желательности глобального лидерства США и Запада и не воспринимали прогрессивного характера многополярности. А это самый верный признак морального износа этих дисциплин.

В этой статье приведены доводы в пользу создания новой научной дисциплины – геополитической экономики, с помощью которой гораздо легче понять многополярный мир, реконструировать его историческую эволюцию и оценить его прогрессивный характер. В ней дается обоснование этой концепции, а также ее составляющие: центральная роль государства в экономике современного мира или, как я это называю, «материальность стран», и диалектика их «смешанного неравномерного развития» (СНР).

Иными словами, речь идет о том, каким образом это развитие привело к многополярности и какими прогрессивными переменами оно может обернуться.

Доводы в пользу геополитической экономики

В своей книге *The Discipline of Western Supremacy*¹ Кес ван дер Пейл доказывает, что академическая дисциплина «международные отношения» (МО) прочно встроена в систему институтов и практик, обеспечивающих лидерство Запада и США. В рамках ее идеалистического подхода и школы «реализма» разработана и успешно воплощается в жизнь либеральная модель глобального управления, уходящая корнями в англо-американскую интеллектуальную традицию, в основе которой лежат идеи Джона Локка. Подчеркивая двойственность термина «дисциплина» в применении к МО – «область научных исследований» и «набор политических мер, практик, дискурсов и институтов, используемых для обеспечения определенного порядка», ван дер Пейл доказывает, что МО является методом для утверждения западного лидерства господства в обоих смыслах.

В моей книге *Geopolitical Economy: After US Hegemony, Globalization and Empire*² доказано, что международная политэкономия (МПЭ) как дисциплина, в основе которой лежат идеи

¹ London: Pluto, 2014.

² London: Pluto, 2013.

гегемонии США и глобализации, представляет мировую экономику как единое целое. В свою очередь, эти теории уходят корнями в учение о «свободной торговле» (фритрейдерстве) XIX века. В соответствии с ними, в мире правит либо рынок (свободная торговля, глобализация), либо государство-лидер (к примеру, США). В первом случае отдельные государства не имеют никакого значения. Во втором - значение имеет только одно государство. Разделение мира на множество национальных государств воспринимается как нечто приходящее. В лучшем случае внимания достойно лишь культурное многообразие.

Эти идеи выполняли идеологическую функцию, когда над миром царила одна единственная держава. В XIX веке эту роль выполняло Соединенное Королевство. В XX ее пытались играть США. Рассматривая мировую экономику как продолжение экономики господствующей державы, сторонники таких концепций не признавали существования самого важного процесса, лежащего в основе многополярности. Смысл его в том, что склонные к экономической экспансии государства создают тепличные условия для внутреннего промышленного развития с тем, чтобы не только не стать сельскохозяйственными и прочими придатками развитых капиталистических стран (либо перестать быть таковыми), но и бросить вызов их господству.

Из этих критических замечаний видно, что и МО, и МПЭ свойственно одно и то же интеллектуальное заблуждение: их адепты верят в саморегулирующийся рынок. Таково непереносимое условие капитализма. Здесь политика искусственно отделяется от экономики, которую трактуют как сферу свободы. При этом ничего не говорится о царящей в ней несправедливости и анархии. Признать последнее означало бы согласиться с тем, что общественные силы, главным образом государство, обязаны будут вмешаться и таким образом ограничить свободу капиталистов. Маркс высмеял саму эту мысль, назвав ее образчиком «вульгарной политической экономии». Впрочем, это никогда не мешало капиталистическим государствам спасаться от ударов вполне реальных кризисов капитализма, как на наших глазах это произошло в 2008 году. Более того, идея вполне себя оправдала в качестве орудия борьбы против требований трудящихся о государственном вмешательстве в их пользу.

Саморегулируемый рынок – не архаический пережиток XIX столетия. Мы узнаем о нем из трудов по неоклассической экономической теории. Она возникла в 1880-х годах, придя на смену классической политэкономии после того, как Маркс и Энгельс «разрушили» имеющиеся в ней проблемы в коммунистическом духе, сделав теорию непригодной для легитимизации капиталистического общества.

Неоклассическая экономическая теория перенеслась в эпоху, предшествовавшую времени Маркса и Энгельса, и зацепилась за две «рикардианские фикции»³: закон Сэя, отрицавший возможность перенасыщения рынка и кризисы капитализма, и теорию сравнительных преимуществ, по которой свободная торговля в одинаковой степени выгодна всем нациям. И это несмотря на то, что могущественные капиталистические страны избавляются от излишков продукции, вывозя их за рубеж и навязывая обществам, не находящим возможности этому противостоять.

³ Там же. Стр. 34.

Неоклассическая экономическая теория является источником концепции социально-научного разделения труда, вокруг которой вращается западная интеллектуальная жизнь. Когда Макс Вебер обосновывал разграничение научных дисциплин, утверждая, что этого требует разделение современной жизни на автономные сферы со своей собственной логикой, он, прежде всего, имел в виду автономность экономики. Возникнув в рамках неоклассической экономической теории, идеология саморегулируемого рынка заразила собой все прочие дисциплины, включая МО и МПЭ. Ее влияния не избежали даже ученые левого толка и критики капитализма.⁴

То, насколько сильно эта идеология искажает наше понимание ситуации в мире, осознано далеко не полностью. Неoliberalную политику справедливо критикуют за то, что она подрывает экономическое развитие развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Один ученый даже заметил, что, проводя такую политику, они по существу «выбивают лестницу из-под ног»⁵ Запада. Впрочем, подобная критика не дает всестороннего понимания истинной динамики международных отношений в капиталистическую эпоху.

Геополитическая экономия стремится реабилитировать классическую политэкономия, в том числе Маркса и Энгельса, а также задействовать пришедших вслед за ними критиков неоклассической экономической теории, включая Джона Мейнарда Кейнса, Майкла Калецки, Карла Полањи и современных теоретиков «развивающегося государства». Объединяя эти теоретические школы, геополитическая экономия вытесняет неоклассическую экономическую теорию с ее рикардианскими фикциями саморегулируемого рынка и преодолевает свойственное ей разделение экономики и политики. Она далека от того, чтобы представлять, будто в мире существует некая самостоятельная область «международных дел», обладающая собственной внутренней динамикой.

Эту концепцию я, отталкиваясь от колкого замечания Ван дер Пейла о том, что МО – это наука о господстве Запада, дополняю следующим новым элементом.

Геополитическая экономия есть наука о многополярности, наука, в наибольшей степени пригодная для объяснения заката гегемонии Запада и США и становления многополярного мира. Пригодна она и для разработки научной основы для деятельности институтов и создания практик, направленных на использование потенциала многополярности в целях равноправного и справедливого мира.

⁴ Radhika Desai, “The Value of History and the History of Value,” in Turan Subasat (ed), *The Great Meltdown of 2008: Systemic, Conjunctural or Policy-Created?*, Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.

⁵ Chang, Ha-Joon, *Kicking Away the Ladder: Development Strategy in Historical Perspective*, London: Anthem, 2002.

Материализм и капитализм

Капитализм подвержен многим видам кризисов⁶, хотя наиболее пронизательные исследователи обращают внимание, прежде всего, на тенденцию к перепроизводству товаров. Маркс и Кейнс подвергли критике закон Сэя, отрицающий перенасыщение рынка⁷, а венгерский экономист Янош Корнай противопоставлял капитализм как систему ограниченного спроса – социализму, системе ограниченного предложения. У Маркса мысль о переизбытке капитала сформулирована в виде тезиса о «тенденции нормы прибыли к понижению», а Кейнс характеризует этот феномен как тенденцию падения предельной эффективности капитала.⁸

Поскольку капитализм есть нечто большее, чем просто система эксплуатации (помимо прочего он задает основы общественного производства), капиталистические страны пытаются разрешить присущие их экономикам противоречия, что приводит к значительному видоизменению самой системы.

Карл Поланьи дает следующее разъяснение: при капитализме к труду, земле и деньгам относятся, как к товару, хотя они и не предназначены для продажи. Между тем, это воздействует на общество столь разрушительно, что государства вынуждены реагировать на это введением множества трудовых, экологических и социальных нормативно-правовых требований.⁹ Таким образом, капитализм – это всегда система, в которой функционирование рынков связано с применением регламентов, их видоизменяющих. Преодолевая присущие капитализму противоречия и дефицит легитимности, государства - в зависимости от масштаба издержек, который определяется балансом сил в мире и в социальной сфере - действуют таким образом как на международной арене, так и у себя дома.

На внутриполитической арене государства могут регулировать ситуацию, чтобы спасти свой бизнес от разорительной конкуренции. Правительства также могут регулировать отношения между капиталистами и другими классами, например, устанавливая фиксированные цены на сельскохозяйственную продукцию или регулируя размер заработной платы и условия трудоустройства в пользу трудящихся, с тем, чтобы обеспечивать наличие достаточных в количественном и качественном отношении запасов сырья и рабочей силы. На действиях властей отражается соотношение общественных сил: помогая капиталистам бороться с падением прибыли путем ограничения роста заработной платы рабочих, они исторически были вынуждены под давлением со стороны рабочего класса становиться более демократичными и строить государство всеобщего благоденствия.

⁶ Разнообразные виды кризисов капитализма систематизированы в таблице, приведённой в моей статье “The Value of History and the History of Value” [«Стоимость истории и история стоимости»].

⁷ Claudio Sardonì, “Keynes and Marx,” in G.C. Harcourt and P. Riach (eds.), A “Second Edition” of The General Theory, London: Routledge, 1997.

⁸ Alan Freeman, “Going for the Juglar: Keynes, Schumpeter and the Theoretical Crisis of Economics.” Presented to the Congress of the Arts and Humanities annual conference, Ottawa, 3 June 2015.

⁹ Karl Polanyi, The Great Transformation, Boston, Mass.: Beacon Press, 1985.

На международной арене, прежде всего, в классических марксистских теориях империализма¹⁰, систематическое перепроизводство и избыток капитала приводили к зарождению формального и неформального империализма. Слабые государства и лишённые государственности территории, которые могли быть легко колонизированы могущественными державами, превращались в рынки сбыта. То же самое происходило и со многими неформальными колониями. В такие страны сбывались излишки товаров из метрополий. Пусть и на короткий срок, это производило позитивный эффект. Но наплыв товаров имел своим следствием разрушение местного производства и в итоге лишал колонии возможности потреблять те самые товары, которые ей навязывали. В свою очередь, поступающие инвестиции способствовали переходу контроля над местными производственными мощностями в руки иностранных держав.

Многие страны не сумели противостоять колонизации, но некоторым это все-таки удалось. Впоследствии независимости добились и сами колонии. И вот, в силу исторической диалектики, а также вопреки рассуждениям о едином и гармонично развивающемся мировом капитализме, в динамике капиталистических отношений проявилась государственно-центричная логика СНР – логика смешанного неравномерного развития.

Смешанное неравномерное развитие

Хотя наиболее полно идея СНР изложена Троцким в его «Истории русской революции»¹¹, корнями она уходит в труды Маркса и Энгельса, классическую политэкономию и общий понятийный аппарат, с помощью которого русские революционеры обосновывали причины того, что первая в мире социалистическая революция произошла в отсталой стране.¹²

В среду послевоенной научной элиты США вариант доктрины НКР был занесен российским эмигрантом Александром Гершенкроном¹³, преподававшим в Гарварде экономическую историю СССР.

В соответствии с этой доктриной, развитие капитализма является неравномерным по своей сути и сосредоточено в отдельных странах и регионах. Как капитализм создает классовое неравенство внутри обществ, так и СНР создает неравенство между обществами, и, таким образом, наряду с классовой борьбой на внутривнутриполитической сцене происходит борьба между

¹⁰Я уже писала о том (Desai, 2013), что наряду с идеей НКД это были первые теории международных отношений. Основными марксистскими работами такого рода являются: Nikolai Bukharin, *Imperialism and World Economy*. London: Bookmarks 1917/2003; Rudolf Hilferding, *Rudolf, Finance Capital: A study of the latest phase of capitalist development*. London: Routledge & Kegan Paul, 1910/1981; Vladimir Lenin, *Imperialism, the Highest Stage of Capitalism: A popular outline*. Moscow: Progress, 1916/197 and Rosa Luxemburg, *Rosa. The Accumulation of Capital*. London: Routledge., 1913/2003. Основной немарксистской работой является: John Hobson, *Imperialism: A study*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan Press, 1902/1965.

¹¹ London: Gollancz, 1934.

¹² Эти корни прослеживаются в Desai 2013.

¹³ Alexander Gershenkron, *Economic Backwardness in Historical Perspective: A book of essays*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.

государствами. В отличие от банальных формулировок теории реализма МО относительно вечного характера межгосударственной борьбы, теория СНР трактует международную борьбу как сугубо капиталистическое явление. Развитые капиталистические государства стремятся сохранять тенденцию к неравномерности развития тех или иных стран, расширяя, таким образом, возможность проецировать вовне издержки и противоречия капитализма. По сути, это и есть империализм. Тем не менее, в силу своего смешанного развития, капитализм не остается постоянной и неизменной системой.

Дело в том, что другие народы вовсе не в восторге от чужеземного владычества. Те, кто способен сопротивляться, бросают ему вызов, вставая на путь комбинированного или конкурирующего развития: развивают промышленность, оберегают и планируют экономику. Это движение может принимать капиталистические формы, как в конце XIX века при индустриализации США, Германии и Японии, или некапиталистические - как в СССР и Китае. Хотя такой вариант не всегда успешен, без него невозможно никакое догоняющее развитие, будь то на Западе или где-либо еще.¹⁴

В то время, как государства-лидеры стремятся обеспечить взаимодополняемость своей экономики и экономики тех стран, над которыми они господствуют, навязывая им роль рынка сбыта промышленной продукции и поставщика дешевого сырья или рабочей силы, страны-претенденты стремятся к достижению схожего уровня промышленного и технологического развития.

Как и классовая борьба, СНР оборачивается усилением государственного регулирования. Поддержка неравномерности развития требует таких же значительных усилий со стороны государства, как и проведение политики развития комбинированного. К тому же и то, и другое видоизменяет способ функционирования капитализма. Разница, главным образом, состоит в том, что в первом случае, как правило, происходит распространение капиталистических свобод как внутри стран, так и в международном масштабе, а во втором - свободы либо урезаются, а экономика находится под жестким контролем (капиталистическое смешанное развитие), либо упраздняются вовсе (коммунизм).

Неудивительно, что капиталистические страны не в восторге от того, когда речь заходит о смешанном развитии: большинство из них являются его порождением, но оно же способно их погубить, ибо, как указывал Фред Блок, «вполне возможно, что национальный капитализм [т.е., смешанное развитие] станет всего лишь этапом на пути к определенной форме социализма».¹⁵

Как известно, Первая мировая война была столкновением стран, стоявших за сохранение статус-кво, со странами-претендентами. Холодная война была не просто столкновением между капитализмом и коммунизмом. Она велась и против смешанного развития в целом –

¹⁴ По развитому миру, см.: Chang, op. cit.; по развивающемуся миру, см.: Alice Amsden, *Escape from Empire: The Developing World's Journey through Heaven and Hell*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2007.

¹⁵ Fred Block, *The Origins of International Economic Disorder: A Study of United States International Monetary Policy from World War II to the Present*. Berkeley, Calif.: University of California Press, 1977, p. 9.

капиталистического или коммунистического. Последнее, однако, доказало свое превосходство, и даже теперь развитие коммунистического Китая представляет собой самый большой вызов капиталистическим державам, а сохранившаяся у России военная мощь унаследована ею от Советского Союза. Кто бы и как ни разглагольствовал о преимуществах свободного рынка, государственное руководство экономикой исторически оказалось более способным обеспечивать рост, нежели саморегулирование рынка.¹⁶

Многополярность есть следствие того, что диалектика смешанного и неравномерного развития выявила преимущество первого над вторым. Благодаря смешанному развитию по миру распространялись волны промышленного роста: индустриализация в США, Германии и Японии; индустриализация в СССР в 1930-е годы. Подъем в колониальных странах стал возможным по причине того, что во время «великой депрессии» оборвались торговые связи между Западом и его колониями. Вспомним и послевоенное восстановление Западной Европы и Японии при руководящей роли государства; появление в 1970-х годах новых индустриальных стран первой волны (Южная Корея и Тайвань), за которыми последовали другие; появление в объединения БРИК и союзов других стран с быстрорастущей экономикой. Поскольку каждая волна оставляла после себя все более многочисленные группы успешно развивающихся государств, конкурировавших между собой за новые рынки, у менее развитых стран появился более широкий выбор, что способствовала их дальнейшему смешанному развитию.

В соответствии с теорией СНР, классовая борьба и международная конкуренция рассматриваются в одном ключе, и мы видим, что они часто дополняют друг друга. Рассмотрим один немаловажный пример. Империализм пошел на пользу рабочему классу, так как капиталисты вкладывали непропорционально большие объемы прибыли, полученной по всему миру, в свои страны и тем самым способствовали росту занятости. Однако они оказались в еще большем выигрыше во время деколонизации и проведения в послевоенный период политики смешанного развития вновь освободившимися странами.

По мере того, как империалистические страны теряли колониальные рынки, они уделяли все больше внимания рынку внутреннему и стимулировали рост потребления. В итоге, требованиям рабочих об увеличении заработной платы сопутствовал все больший успех. Соотношение потребления и общего национального дохода выросло сразу после Второй мировой войны и с тех пор остается более или менее на том же уровне. Между тем, темпы роста доходов на душу населения, находившиеся при колониализме в состоянии, близком к стагнации¹⁷, вырастали кратно даже при умеренно успешных попытках комбинированного развития. Именно этот поощряемый государством рост в капиталистических странах (как развитых, так и развивающихся) заложил в послевоенный период основу того легендарного роста, который известен нам как «золотой век».

¹⁶ То, что сегодня это широко признаётся, пусть и на бессознательном уровне, явствует из разговора с одним мелким предпринимателем, придерживающимся типично неолиберальных взглядов. Когда речь зашла о китайской проблеме, тот пожаловался, что китайцы-де пользуются «несправедливым преимуществом» – у них есть планирование!

¹⁷ Radhika Desai, “Look Back in Hope? Reassessing Regulation Theory.” Kees van der Pijl (ed) *The International Political Economy of Production*. Cheltenham, Edward Elgar. 2015.

Гегемония США?

НСР опровергает много мифов о капиталистическом миропорядке, появившихся после того, как «золотой век» завершился неolibеральным возрождением идей свободного рынка. Главная среди них гласит, что США пришли на смену Соединенному Королевству в качестве «гегемона» мировой экономики.

В условиях неравномерного развития Соединенное Королевство действительно какое-то время главенствовало в мировой экономике¹⁸, но индустриализация в странах-претендентах, то есть в США, Германии и Японии, не только покончила с этим лидерством к началу 1870-х годов, но и сделала мир многополярным. Безальтернативному господству, которым некогда обладала Великобритания, уже не суждено было повториться. Впрочем, попытки США занять доминирующее положение, несмотря на теоретическое обоснование таких претензий¹⁹, сводятся к преданию доллару статуса международной валюты и обречены на провал в силу невозможности создания реальной империи. От их усилий не останется ничего, кроме разрушений.

Мир, вступивший в тридцатилетний кризис (1914-1945)²⁰, возможно, и сделался многополярным, но, тем не менее, оставался имперским. Кризис изменил структуру и динамику национальных экономик и мировой экономики в целом, а миру, вышедшему из сей купели, было суждено стать миром интернациональным, состоящим не из империй, а из национальных экономик. Чаши исторических весов еще более накренились в сторону смешанного развития, удаляясь от модели неравномерности, на которой зиждились надежды США.

А на международной арене происходило следующее. В разгар охватившей капиталистические страны «великой депрессии» СССР осуществил индустриализацию и обеспечил победу союзников в войне. Коммунизм, восторжествовавший в Восточной Европе и Китае, вывел еще более значительные территории и многочисленное население за пределы досягаемости капитализма, а блок коммунистических стран оказал поддержку деколонизации и расширил возможности смешанного развития. Хотя экономикам, отброшенным назад колониализмом, это давалось гораздо труднее, чем другим странам, развивающийся мир достиг значительных успехов, которые и стали основой более быстрого роста в 1980-х, 1990-х и 2000-х годах.²¹

Угроза коммунизма, кроме того, заставила США дать добро на комбинированное развитие в Западной Европе и Японии, а в последующие десятилетия и в «новых индустриальных

¹⁸ Хотя и сомнительно, можно ли это главенство называть «гегемонией». См.: James Parisot, "Expanding Geopolitical Economy: A Critique of the Theory of Successive Hegemonies" in Radhika Desai (ed), *Theoretical Engagements in Geopolitical Economy*, London: Emerald, 2015.

¹⁹ Главным основоположником этой теории был Чарлз Киндлебергер. См.: Chapter 5 of *Geopolitical Economy*.

²⁰ Концепция принадлежит Арно Мейеру. См. его *The Persistence of the Old Regime*, New York: Pantheon, 1981.

²¹ Я доказываю это на примере Индии, а Мартин Харт Ландсберг - на примере Китая...

странах» (НИС), таких как Южная Корея и Тайвань, стоявших на передовой борьбы с коммунизмом.

Экономики стали еще более подконтрольными государству. То обстоятельство, что внутренний спрос начал играть центральную роль, имело решающее значение: и в мире в целом, и внутри стран были разорваны связи господства и подчинения, что заложило основу «золотого века». В погоне за ростом, принципиально важным для поддержания международного престижа страны (не следует забывать о праве голоса в ключевых международных институтах вроде МВФ и Всемирного банка), а также для сохранения и расширения позиций капиталистического класса внутри страны, требовалось, прежде всего, увеличить внутренний спрос. Начали появляться планы экономического восстановления и развития. Для поддержания уровней занятости и спроса, для развития государства всеобщего благоденствия и увеличения объема социальных услуг применялось макроэкономическое управление. Все это сочеталось с защитой отечественных производителей и рынков. Усилия США по обеспечению «открытости» других экономик американскому экспорту регламентировали в жестких торговых переговорах, а попытки самим подать пример открытости приводили только к увеличению импорта и потере конкурентоспособности. Международная торговля, хотя и оправилась от коллапса, постигшего ее в межвоенный период, росла все же медленнее, чем ВВП, что, опять же, указывало на исключительное значение внутреннего спроса.

Обретшие независимость страны росли достаточно быстрыми темпами и более решительно вели себя на международной арене, выступая с требованиями об установлении «нового международного экономического порядка» (НМЭП), призванного облегчить их развитие. Благодаря экономическому росту между развивающимся и развитым миром стал сокращаться разрыв в уровне доходов. По иронии судьбы, сокращение это замедлилось именно потому, что увеличение спроса подстегнуло столь быстрый рост в вышеназванных странах, что наибольший объем его пришелся на Западную Европу и Японию. Золотой век роста стал возможен именно в силу того, что, благодаря смешанному развитию, капитализм видоизменился и был вынужден служить интересам более широких слоев общества.

В мире развеялись мечты, связанные с долларом США. Впрочем, несмотря на то, что в «золотой век» относительный вес США в мировой экономике сократился примерно наполовину, американская экономика остается крупнейшей экономикой мира. Но это всего лишь одна из многих национальных экономик.

То, что во времена Британской империи фунт стерлингов имел статус международной валюты, было результатом стечения обстоятельств: из английских колоний поступали излишки финансовых средств, которые Британия экспортировала, чтобы обеспечить ликвидность мирового рынка. Не обладая колониями, США не могли экспортировать капитал в необходимом объеме даже тогда, когда для недопущения более быстрого сокращения относительного размера этого экспорта требовались инвестиции. К тому же, организованный рабочий класс обрел такую силу, что вопрос об уровне занятости стал политическим.

Кейнс предвидел новые обстоятельства. На Бреттон-Вудской конференции 1944 года он предложил свой план регулирования международной валютной системы, призванный наделить национальные экономики возможностью добиваться процветания коллективными усилиями: ввести многостороннюю мировую валюту для урегулирования торговых дисбалансов, учредить международный клиринговый союз для устранения даже этих дисбалансов, а также установить контроль за движением капиталов, дабы предотвращать финансовые спекуляции.

США хватило влияния, чтобы эти предложения были отвергнуты, но не для того, чтобы обеспечить успех доллара. Непрерывное лидерство доллара в послевоенную эпоху было видимостью. Его преследовала череда проб и ошибок.

Будучи не в состоянии экспортировать капитал в необходимом объеме – план Маршалла для Западной Европы был слишком невелик, да и нехватка долларовой наличности в 1950-е годы тоже ощущалась – США для обеспечения ликвидности международного рынка стали сводить счета текущих операций с дефицитом. Однако эта уловка поставила их перед парадоксом Триффина: дефицит подрывает доверие к доллару и снижает его ценность в качестве резервного актива. С переходом на конвертируемость национальных валют в 1958 году, нехватка долларов обернулась их переизбытком. Из США рекой хлынуло золото. Не помогли ни создание «золотого пула» в 1961 году, ни целый ряд других мер. В 1971 году привязка доллара к золоту была отменена.

Конец «золотого бума»

Главный мотор «золотого века» - смешанное развитие - стал одновременно и причиной его завершения примерно в 1970-м году. В этом состоит вывод известного труда Роберта Бреннера о «долгом бума» (как он называет «золотой век») и «долгом спаде»²². «Долгий спад», продолжающийся в промышленно развитых странах по сей день, стал следствием проседания обрабатывающей промышленности и наличия избыточных производственных мощностей, несоизмеримых с существующим уровнем спроса. Мощности же эти были созданы после войны, когда Западная Европа и Япония восстанавливали свои экономики.

«Долгий спад» затянулся, по мнению Бреннера, потому что в условиях продолжающегося комбинированного развития появляются все новые производители (теперь в их числе и Китай), тогда как ни компании, ни правительства ни за что не допустят «расправы с основными фондами» (девальвации амортизированного капитала в ценовом, а то и в натуральном, выражении) в масштабе, необходимом для возобновления инвестиций в производство. С их стороны это было бы извращением: ведь они проиграют, а выиграют их конкуренты.

²² Robert Brenner, *The Economics of Global Turbulence: The advanced capitalist economies from long boom to long downturn, 1945–2005*. London: Verso, 2006 и 'What is good for Goldman Sachs is good for America: the origins of the current crisis', 2009. www.sscnet.ucla.edu/issr/cstch/papers/BrennerCrisisTodayOctober2009.pdf (просмотрено 21 сентября 2012 года).

В соответствии с рекомендациями Комиссии Брандта, один из способов борьбы с кризисом мог бы заключаться в расширении спроса путем повышения производительности труда и потребления рабочего класса и стран «третьего мира». Однако это подразумевало бы наделение названных сообществ новыми возможностями за счет западного капиталистического класса. Поэтому предпочтение было отдано неолиберальной альтернативе. Теперь, после того, как в 1980-х годах правительства «новых правых» начали применять этот подход, создается впечатление, что он не только не способствовал восстановлению эффективности²³, но и усугубил лежащую в основе кризиса проблему, ограничив рост спроса.

В XXI веке Запад везет на себе обессиленный, держащийся на финансовой игле капитализм. Экономика Японии уже много лет находится в состоянии стагнации. В 2008 и 2010 годах, соответственно, США и Европа пережили удары финансового кризиса. Рост во время «долгого спада» по сравнению с периодом «долгого бума» происходил не только медленнее, но был и ростом с «нулевой суммой», ростом «финансированным». Во времена «долгого бума» практически все страны росли одновременно, теперь же, с началом стагнации на внутренних рынках, рост в одних промышленно развитых странах возможен только за счет падения в других.

Развивающийся мир потратил два десятилетия в 1980-х и 1990-х годах на осуществление «программ структурной перестройки» МВФ и Всемирного банка. В 1990-х годах откатились назад под воздействием «шоковой терапии» страны с переходной экономикой. Наконец, рост во время «долгого спада» стал «финансироваться», попадая в зависимость от образования пузырей на фондовом рынке, которые лопались все с более разрушительными последствиями и в итоге завершились кризисами 2008 и 2010 годов. В этом контексте решающую роль сыграли непрекращающиеся попытки США закрепить за долларом положение главной валюты мира.

Замедляющиеся капиталистические экономики склонны к «финансированию». Прибыль вкладывается не в производство, а в спекуляции. Однако все это осталось бы на национальном уровне, если бы не появление финансовых инструментов, которые привели к возникновению пузырей на международных фондовых рынках, от которых после 1971 года начало зависеть международное положение доллара. Последствия были крайне негативными. США оказывали давление на все страны с тем, чтобы те отменили контроль над движением капитала. Использование производных финансовых инструментов привело к росту спекулятивного спроса на доллар и свели на нет понижающее давление, которое на него оказывалось присущими экономике США дефицитами.

«Финансирование» оставила после себя полосу разрушений; по всему миру кризисы обрушили некогда сильные экономики. Нарастала критика международной роли доллара.²⁴ И не только. Частные и государственные держатели долларов стали уходить в другие валюты. В

²³ Alan Freeman, 'The Profit Rate in the Presence of Financial Markets', Australian Journal of Political Economy, no. 71, pp. 167-192.

²⁴ Наиболее содержательные критические замечания были сделаны главой Народного банка Китая: Xiaochuan Zhou, 'Reform the international monetary system'. Beijing: People's Bank of China. 2009.

первых рядах борьбы за вытеснение доллара из взаиморасчетов шли ближайшие союзники США – европейцы. В начале 1970-х годов была запущена «европейская валютная змея». В 2000-х годах это движение завершилось введением евро. Невзирая на свои нынешние проблемы, евро проложил дорогу появившимся впоследствии схемам, которые создавали страны новой волны конкурентного развития, в частности Китай и участники объединения БРИКС. От относительно мелких двусторонних договоренностей – до торговых взаиморасчетов в национальных валютах и создания гигантского Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Эти инициативы предусматривают предоставление долгосрочного инвестиционного капитала и не требуют потенциально опасной либерализации счета движения капитала платежного баланса, тогда как даже при краткосрочных западных инвестициях такая либерализация требуется. Кроме того, краткосрочный западный капитал никогда не инвестируется в производство, способствует появлению опасных пузырей на фондовом рынке, и нуждается в дорогостоящем страховании накопленных резервов. Многополярность делает возможным расширение конкурентного развития и позволяет все большему числу стран отказаться от доллара. Осознание того, что всемирное господство доллара подходит к концу, становится настолько повсеместным, что даже правительство Соединенного Королевства, главной опоры долларовой системы, осознало, что, если оно хочет, чтобы Лондонский Сити оставался крупнейшим финансовым центром мира, ему следует примкнуть к Китаю и к новой финансовой системе, которую тот представляет.

Прогрессивный характер многополярности

Случайностью, которая, тем не менее, глубоко укоренена в СНР, является контраст между нынешним ростом в Китае и других странах с быстрорастущей экономикой и стагнацией в развитых промышленных странах. Противостоять неолиберальной нападке во время «долгого спада» не получилось у многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой, однако встать на путь смешанного развития сумели многие. Они либо изначально не подчинялись западному диктату (Китай), либо сохранили некоторую независимость от международной неолиберальной системы (Индия), либо вновь обрели независимость, испытав на себе катастрофу неолиберализма (Россия и Латинская Америка в 2000-х годах).

Развитие стран с быстрорастущей экономикой является источником более широкого, чем прежде, распространения материального благосостояния и, по большей части, остается устойчивым. Эти экономики гораздо менее «финансиализированы» и ставят во главу угла рост производства. Вызов, который они бросают Западу, проявляется на крупнейших мировых экономических форумах, например, в требованиях о реформе МВФ и Всемирного банка, в тушковых ситуациях внутри ВТО и на саммитах по проблеме изменения климата, а также в создании упомянутых параллельных финансовых организаций. Проявляется он и в растущей военной напряженности, особенно в связи с событиями на Ближнем Востоке, на Украине и Южно-Китайском море.

Власти западных государств, в особенности США, не желают смириться ни с продолжающимся развитием стран с быстрорастущей экономикой, ни с изменениями в системе управления глобальной экономикой. Между тем, эти изменения реально гарантируют развитие, ограничивая возможность извлечения прибыли за счет спекуляций. Впрочем, ни Запад, ни США вряд ли способны чему-либо помешать.

Хотя такие противостояния разрушили немало человеческих судеб и лишили многих средств к существованию, их логика открывает гораздо более оптимистические перспективы.

Ускорение смешанного развития привело к тому, что рост, даже там, где он принимает капиталистические формы, возможен только в виде социально-контролируемого и национально ориентированного, а потому и (по крайней мере, потенциально) - более демократичного развития. Трудящиеся на Западе, развивающиеся страны и страны с переходной экономикой в целом от этого только выигрывают.

«Финансированный» капитализм Запада и Японии более не в состоянии обеспечивать значительный рост. Правительства западных стран вынуждены проводить монетарную политику, единственная цель которой – обеспечивать поступление ликвидных средств в те самые финансовые институты, что спровоцировали кризис, с тем, чтобы они и впредь могли извлекать прибыль единственным доступным им ныне методом спекуляции. Между тем, реальная экономика в застое, уровни занятости стремительно снижаются, а бедность и неравенство вырастают до небес.

Публично обывателей пытаются убедить в том, что монетарная политика благоприятно влияет на уровень экономической активности, и что новый экономический подъем уже не за горами. Эта болтовня застит единственную альтернативу, с помощью которой можно было бы снова запустить всеобъемлющий рост производства. Речь идет о масштабной государственной программе бюджетных расходов и капиталовложений. Но столь широкомасштабное вмешательство государства в экономику неизбежно вытеснит капиталистов с командных высот. Осознание этой истины едва ли останется достоянием одних лишь правящих классов: под давлением обстоятельств оно выплеснется на улицы не только Афин и Мадрида, но и пришедших в упадок постиндустриальных промышленных городов США. Многие интеллектуалы и организации уже призывают к осуществлению таких инвестиций в защиту окружающей среды, креативный и культурный секторы.

Для продолжения роста в странах с быстрорастущей экономикой необходимо расширять внутренний спрос, поскольку западные рынки усыхают, а рынки других стран надежно защищены.

Китайское руководство, похоже, это хорошо понимает: выдвинут ряд инициатив по расширению внутреннего спроса. В 2008 году начался инвестиционный бум, не так давно была поднята оплата труда, а недавно, в рамках инициативы создания нового Шелкового пути запущена программа освоения западных областей страны. Китайский пример оказал влияние

на многие страны с быстрорастущей экономикой; в силу обстоятельств их элиты вынуждены следовать в том же направлении. Но от этого значительная часть человечества только выиграет. Может, на этот раз действительно повезет, и борьба за улучшение материальных и культурных условий существования увенчается успехом.

Об авторе:

Радика Десаи, профессор Факультета политических исследований, директор Группы по изучению геополитической экономики, Университет Манитобы, Виннипег, Канада.